

НАЦУМЭ СОСЭКИ

Сансиро

Москва
2024

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Н35

夏目 漱石
坊っちゃん

Перевод с японского *Анатолия Рябкина*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Нацумэ, Сосэки.
Н35 Сансиро / Нацумэ Сосэки ; [перевод с японского
А. Рябкина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-206224-7

Нацумэ Сосэки был одним из самых образованных представителей европеизированной японской интеллигенции начала XX века и вместе с тем — типичным японцем. Эта двойственность позволила ему создать свой неповторимый литературный стиль, до сих пор притягательный для современных читателей.

Сансиро Огава — 23-летний уроженец деревни на южно-японском острове Кюсю — поступает в Токийский университет и знакомится со студентами и преподавателями, составляющими его новое окружение. Психологически Сансиро погружен в три мира: родную местность, где прежде он был тесно связан с матерью; университетское сообщество, в котором интеллектуалы растрачивают себя в погоне за академическими успехами; и царство чувств и эмоций, куда приводит его девушка по имени Минэко.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-206224-7

© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2026

Еще полусонный, он открыл глаза и увидел, что женщина успела разговориться со стариком, занявшим место рядом с нею. Вероятно, это был тот самый деревенского вида старик, который сел двумя станциями раньше. Поезд уже тронулся, когда он, громко причитая, вбежал в вагон и вдруг сбросил с плеч кимоно, обнажив спину, всю покрытую следами от прижиганий моксой. Именно поэтому он и запомнился Сансиро. Сансиро наблюдал за стариком, пока тот, вытирая пот и натягивая на себя кимоно, не уселся рядом с женщиной.

Женщина села в поезд в Киото и сразу привлекла внимание Сансиро своей смуглой кожей. По мере того как поезд приближался к Осаке, кожа у женщин становилась светлее, и в душу Сансиро закрадывалась тоска по родным местам. Вот почему в этой смуглой женщине Сансиро почувствовал что-то родное. Кожа у нее была, если можно так сказать, настоящего кюсюского цвета, точь-в-точь как у О-Мицу-сан из Миваты. Эта О-Мицу-сан изрядно ему надоела, и он радовался, что расстанется с нею. Но сейчас он даже О-Мицу-сан вспоминал с умилением.

Правда, у этой женщины черты лица были более совершенны. Резко очерченные губы, живые ясные глаза, и лоб не такой широкий, как у О-Мицу-сан. Словом, она производила приятное впечатление, и Сансиро

то и дело посматривал на нее. Изредка их взгляды встречались. Особенно внимательно, почти не отрывая глаз, Сансиро разглядывал женщину в тот момент, когда возле нее усаживался старик. Улыбнувшись, женщина подвинулась и сказала: «Ну, садись!» Немного спустя Сансиро стало клонить ко сну, и он задремал.

Видимо, пока он спал, женщина и старик разговаривались. Проснувшись, Сансиро стал молча слушать их беседу.

Женщина говорила, что в Киото игрушки дешевле и лучше, чем в Хиросиме. В Киото у нее были кое-какие дела, она задержалась и заодно купила игрушек в лавочке возле Такоякуси¹. Ей очень радостно, что после долгой разлуки она едет на родину и увидит детей. И в то же время тревожно — она едет в деревню к родителям потому, что муж вдруг перестал присылать деньги. Он долгое время был рабочим на военно-морской базе Курэ, а во время войны его отправили под Порт-Артур. После войны он вернулся домой, но вскоре заявил, что, мол, в тех краях легче подзаработать денег, и уехал в Дайрен. Первое время он письма писал и деньги присылал аккуратно, в общем, все шло хорошо, но вот уже почти полгода от него ничего нет. Он, конечно, не изменил ей, не такой у него характер, и на этот счет она спокойна. Но не сидеть же так до бесконечности, вот она и решила пожить пока у родителей. Это единственное, что ей остается.

Старик, видно, понятия не имел, что такое Такоякуси, да и игрушками не интересовался, потому вначале только поддакивал, однако, услышав о Порт-Артуре, сразу проникся сочувствием к женщине и сказал, что очень ее понимает. Его сына тоже взяли на войну, и он погиб. Вообще неизвестно, кому нужны войны. Добро

¹ Такоякуси — название буддийского храма в Киото.

бы потом лучше жилось. А то убивают твою плоть — детей. Цены растут. Ничего глупее и не придумаешь. В добрые старые времена и не слышно было, чтобы кто-нибудь уезжал на заработки. Все война натворила. Во всяком случае, надо уповать на бога. Муж, наверно, жив и работает. Надо подождать немного, он непременно вернется... Старик горячо и искренне утешал женщину. Вскоре поезд остановился, и старик, сказав женщине: «Счастливого пути», — вышел из вагона.

Вслед за стариком сошли еще несколько пассажиров, а сел всего один. В полупустом вагоне и без того было уныло, а тут еще зашло солнце. Громко топая, прошли по крышам станционные рабочие, вставлявшие зажженные керосиновые лампы в отверстия в потолке вагонов. Сансиро вспомнил о бэнто¹, купленном на предыдущей станции, и принялся за еду.

Как только поезд тронулся, женщина встала и вышла из купе. Только сейчас он обратил внимание на цвет ее оби. Отправив в рот кусок сваренной на пару форели и усиленно двигая челюстями, он подумал: «Наверное, вышла по нужде».

Женщина вскоре вернулась и встала так, что Сансиро мог видеть ее лицо. Энергично работая палочками для еды, Сансиро склонился над коробкой и доел последние кусочки рыбы. Женщина как будто не собиралась садиться и стояла, не меняя позы. Но как только Сансиро взглянул на нее, она двинулась было с места, потом остановилась и высунула голову в окно. Он видел, как развевались на ветру ее волосы. В этот момент он как раз с силой швырнул в окно пустую коробку из-под еды, но тут же испугался собственной оплошно-

¹ Бэнто — завтрак в коробке, который берут из дому или покупают.

сти: ему показалось, что подхваченная встречной струей воздуха крышка коробки, кружась, летит обратно, а женщина стояла у соседнего окна. Он быстро посмотрел в ее сторону. Однако женщина как ни в чем не бывало подалась назад и принялась тщательно вытирать лоб ситцевым платком. Сансиро решил, что на всякий случай лучше извиниться, и сказал:

— Прошу прощения!

— Ничего,— ответила женщина, все еще вытирая лицо. Сансиро виновато замолчал. Женщина тоже больше ничего не сказала и снова высунулась в окно. Остальные пассажиры дремали при тусклом свете фонаря. Тишину нарушал только оглушительный грохот колес поезда.

Сансиро закрыл глаза, но вскоре открыл их, услышав голос женщины: «Скоро Нагоя, да?» Спрашивая, женщина слегка наклонилась к Сансиро. Несколько удивленный, он ответил: «Да»,— хотя не имел об этом ни малейшего представления, так как ехал в Токио в первый раз.

— Поезд, пожалуй, опоздает, чересчур медленно идет!

— Пожалуй, опоздает.

— Вы тоже сходите в Нагое?

— Да.

Нагоя была конечной станцией. Обменявшись эти-ми ничего не значащими словами, оба умолкли. Женщина села чуть наискосок от Сансиро. Снова наступила тишина, нарушаемая лишь стуком колес.

На следующей станции, извинившись за беспокойство, женщина попросила Сансиро, когда они приедут в Нагую, проводить ее в гостиницу. Страшновато одной, пояснила она. Все это так, но Сансиро не знал, как поступить. Он ведь ее совсем не знает. Ответить отка-

зом не хватило духу, он проямлил что-то невнятное и всю дорогу до Нагои мучился сомнениями.

Весь багаж Сансиро был отправлен малой скоростью до Симбаси — это избавляло его от лишних хлопот. Так что из вагона он вышел с парусиновым чемоданчиком и зонтом. На голове у него была гимназическая фуражка, правда, без значка — после окончания колледжа он его не носил. Следом за ним шла женщина, и Сансиро, в своей гимназической фуражке, чувствовал себя очень неловко. Она наверняка думает, размышлял он, какая на нем дешевая и грязная фуражка. Но что он мог сделать?

Вместо половины десятого поезд прибыл в начале одиннадцатого — опоздал почти на сорок минут. Но, несмотря на позднее время, на улицах в эту жаркую пору было оживленно, как ранним вечером. Рядом с вокзалом было несколько гостиниц, однако все они показались Сансиро чересчур роскошными. Поэтому он с независимым видом миновал эти ярко освещенные трехэтажные здания и не спеша зашагал дальше. Разумеется, он шел наугад по этому незнакомому городу, стараясь попасть в более скромный район. Женщина молча следовала за ним. Наконец они очутились в довольно тихом переулке и здесь на втором от угла доме увидели вывеску «Гостиница». Эта неказистая вывеска вполне устраивала и Сансиро и женщину. Обернувшись, Сансиро спросил: «Подходит?» «Конечно», — ответила женщина, и они решительно вошли внутрь. Они не успели даже предупредить, что нужны две отдельные комнаты, потому что они не муж и жена, как на них обрушился поток слов: «Добро пожаловать... Входите, пожалуйста... Сию минуту проводим... Четвертая комната "Павильона сливы"...»¹. И им

¹ В японских национальных гостиницах помещения обозначаются названиями цветов, растений, птиц.

ничего не оставалось, как позволить отвести себя в четвертую комнату «Павильона сливы».

В ожидании, пока служанка принесет чай, они рассеянно смотрели друг на друга. Когда же пришла служанка и сказала, что ванна готова, Сансиро просто не решился сообщить, что женщина не имеет к нему никакого отношения. Взяв полотенце, он отправился в ванную, извинившись, что идет мыться первым. В ванной, которая находилась в самом конце коридора, рядом с уборной, было полутемно и довольно грязно. Сансиро разделся и залез в ванну. «Веселенькая история», — думал он, плескаясь в воде. В это время в коридоре послышались шаги. Кто-то, похоже, зашел в уборную, потом вышел и стал мыть руки. Затем скрипнула и приоткрылась дверь, и женщина спросила: «Помыть вас?» Сансиро поспешно крикнул: «Нет, нет, я уже вымылся!» Однако женщина решительно переступила порог и начала развязывать оби — видимо, собиралась мыться вместе с Сансиро. И при этом нисколько не стеснялась. Зато Сансиро выскочил в смятении из воды, наспех обтерся, вернулся в номер и уселся на дзабутон¹. Как раз в это время служанка принесла регистрационную книгу.

Сансиро взял книгу и написал о себе все как есть: «Сансиро Огава, 23 года, студент, префектура Фукуока, уезд Мияко, деревня Мисаки». Как записать женщину, он совершенно себе не представлял, но служанка ждала, и он написал первое, что взбрело в голову: «Фамилия та же, имя Хана, 23 года, та же префектура, тот же уезд, та же деревня». Он отдал книгу служанке и принялся с усердием обмахиваться веером.

Вскоре женщина вернулась.

— Вы уж, пожалуйста, извините меня, — сказала она.

¹ Д з а б у т о н — подушка для сиденья.

— Да нет, ничего, — ответил Сансиро.

Сансиро достал из чемоданчика дневник, но записывать было нечего. Если б не эта женщина, он столько бы мог написать! Но тут женщина сказала: «Я сейчас», — и вышла. После этого Сансиро стал думать, куда она пошла, и ни на чем больше не мог сосредоточиться.

Снова вошла служанка. Стелить постель. Она принесла всего один широкий тюфяк. Сансиро заикнулся было о второй постели, но горничная заявила, что комната слишком мала, да и сетка от москитов невелика, и ничего нельзя было сделать. Да и к чему, в самом деле, ей были лишние хлопоты? В конце концов она пообещала, когда вернется управляющий, попросить у него еще один тюфяк, а постель все же постелила под одной москитной сеткой и ушла.

Вскоре женщина вернулась, сказала, что время позднее, и стала возиться около москитной сетки, чем-то позвякивая. Вероятно, игрушками, которые она везла в подарок детям. Но потом, видимо, снова завязала свой узел, и из-за полога послышался ее голос: «Извините, я лягу первая». — «Да, да», — откликнулся Сансиро и, отвернувшись, сел на порог. Может быть, так и провести ночь? Но здесь столько комаров! Изведут! Сансиро вскочил, вынул из чемодана миткалевую рубашку и кальсоны, надел их и подпоясался темно-синим шнуром. Затем, прихватив два полотенца, забрался под сетку.

— Вы извините, но я терпеть не могу спать на чужом тюфяке... И сейчас приму кое-какие меры против блох... Вы уж не взыщите...

С этими словами Сансиро скатал свободный край простыни, соорудив таким образом посреди постели перегородку. А когда женщина повернулась к стене, он

расстелил в длину оба полотенца и вытянулся на них. В эту ночь ни рука, ни нога Сансиро ни на дюйм не сдвинулись за пределы его довольно узких полотенец. С женщиной он не обмолвился ни словом. Она тоже не шевелилась и лежала, отвернувшись к стене.

Наконец рассвело. Когда они умылись и уселись за стол, женщина с улыбкой спросила: «Ну что, не тревожили вас блохи?» — «Нет, спасибо, вы очень добры», — с серьезным видом ответил Сансиро, глядя в пол и отправляя в рот одну за другой бобовые пастилки.

Когда, расплатившись и покинув гостиницу, они пришли на вокзал, женщина сообщила Сансиро, что едет в сторону Йоккайти по Кансайской линии. У нее оставалось еще немного времени, и она проводила Сансиро до самого выхода на перрон, сказав на прощанье:

— Я доставила вам много хлопот... Счастливого пути!

Она вежливо поклонилась. А Сансиро, держа в одной руке чемоданчик и зонт, свободной рукой снял свою старую фуражку:

— До свиданья!

Женщина пристально на него посмотрела и вдруг очень спокойно проговорила:

— А вы робкий! — И насмешливо улыбнулась при этом.

Сансиро будто шелкнули по носу. И у него еще долго горело лицо.

Некоторое время он сидел, съежившись, и не двигался. Вскоре раздался свисток кондуктора, слышный из конца в конец длинного состава, и поезд тронулся. Сансиро встал и украдкой выглянул в окно. Но женщины уже не увидел. Лишь большие вокзальные часы бросились ему в глаза. Сансиро снова сел. Никто не обратил на него внимания, хотя в вагоне было людно.

Только мужчина, сидевший наискосок от Сансиро, скользнул по нему взглядом.

От этого взгляда Сансиро стало почему-то не по себе. Чтобы рассеять тревогу, он решил почитать и открыл чемодан. Там наверху лежали полотенца, на которых он спал. Сдвинув их, Сансиро вытащил первую попавшуюся под руку книгу. Это оказались «Статьи» Бэкона в жалкой тонкой бумажной обложке. Он их так и не понял, сколько ни читал. Несколько книг не уместилось в большой корзине, и он бросил их, в том числе и Бэкона, в чемоданчик. Но ни одна из них не годилась для чтения в дороге. Сансиро раскрыл Бэкона на двадцать третьей странице. Он вообще сейчас был не в силах читать, тем более Бэкона. Однако книгу он раскрыл с должным уважением и стал пробегать глазами строку за строкой, в то же время перебирая в памяти события вчерашнего вечера.

Что, собственно, представляет собой эта женщина? Просто не верится, что есть такие на свете и что создание, именуемое женщиной, может быть столь спокойным и невозмутимым. Смелая она или невежественная? Может быть, просто наивная? Но что он мог сказать о ней, раз не вышел за пределы дозволенного? Он просто струсил. Услышав на прощанье: «А вы робкий!» — он был ошарашен, словно его уличили в том, что ему всего двадцать три года. Даже родители не могли бы сказать более метко.

От этих мыслей Сансиро окончательно приуныл. После такой пощечины, казалось ему, полученной бог знает от кого, стыдно смотреть людям в глаза, да и перед двадцать третьей страницей Бэкона он тоже кругом виноват.

Нельзя все же так теряться. И дело тут совсем не в образовании, а в характере. Можно было вести себя

несколько иначе. Но если и впредь он окажется в подобном положении, он все равно не сможет поступить по-другому.

И тем не менее, думал Сансиро, он малодушен. И чересчур стеснителен, словно физически неполноценен. И все же...

Тут Сансиро отогнал прочь все эти мысли и заставил себя думать о другом. Он едет в Токио. Там он поступит в университет. Будет общаться с известными учеными. Со студентами, людьми культурными, обладающими хорошим вкусом. Будет посещать библиотеку. Займется литературной работой. Завоюет популярность. И всем этим доставит матери радость. Наивные мечты о будущем помогли Сансиро обрести душевное равновесие, и теперь уже незачем было зарываться лицом в двадцать третью страницу Бэкона. Сансиро поднял голову и снова встретился взглядом с сидевшим напротив мужчиной, но на этот раз не отвел глаз.

Худошавый, с густыми усами и длинным лицом, этот мужчина чем-то напоминал синтоистского священника, только нос у него был прямой, как у европейца. Судя по белому касури¹, видневшейся из-под него безупречно белой рубашке и темно-синим таби², он был учителем средней школы, что Сансиро, человеку с большим будущим, не внушало почтения. Ему, пожалуй, уже все сорок, и теперь он вряд ли чего-нибудь добьется в жизни.

Мужчина непрерывно курил. Он казался на редкость флегматичным, пока сидел, скрестив руки на груди

¹Касури — японская летняя одежда из белой материи с синим или черным узорами.

²Таби — японские носки из плотной материи с отделенным большим пальцем.

и выпуская из носа длинные струи дыма. Правда, он часто выходил, то ли по нужде, то ли еще зачем-то, и, вставая, энергично потягивался. Он, видимо, томился скукой, но не проявлял ни малейшего интереса к газете, которую уже успел прочесть и положить рядом с собой его сосед. Дивясь этому, Сансиро закрыл Бэкона и решил было почитать какой-нибудь роман, но достать его из чемодана поленился. Он охотно почитал бы газету, но владелец ее, как нарочно, крепко спал. Сансиро все же потянулся к газете, спросив на всякий случай человека с усами: «Никто не читает?» Тот спокойно ответил: «Как будто нет, возьмите». Сансиро нерешительно взял газету. Развернул — ничего интересного! Буквально за две минуты он просмотрел ее всю от начала до конца, аккуратно сложил и, кладя на место, слегка поклонился. Пассажир с усами кивнул и спросил:

— Вы учились в колледже?

— Да,— ответил Сансиро, радуясь тому, что след от значка на его старой фуражке привлек внимание этого человека.

— В Токио?

— Нет, в Кумамото... Но теперь... — начал было Сансиро и замолчал, так и не сообщив, что собирается поступать в университет. А пассажир с усами ограничился неопределенным: «А, так, так», — и продолжал дымить сигаретой. Даже не полюбопытствовал, почему Сансиро едет из Кумамото в Токио. Видно, учащиеся из Кумамото его совершенно не интересовали. В это время крепко спавший пассажир произнес, по-видимому, во сне: «Гм, в самом деле». Пассажир с усами взглянул на Сансиро и усмехнулся. Воспользовавшись этим, Сансиро спросил:

— А вы куда едете?

— В Токио, — нехотя ответил тот. Он почему-то больше не казался Сансиро учителем средней школы. Одно было ясно, что персика он не очень-то важная, раз едет в третьем классе. Сансиро не стал продолжать разговор. Усатый же, сидя по-прежнему со скрещенными на груди руками, изредка постукивал по полу ногой. Он, видно, и в самом деле очень скучал, но явно не был расположен к разговору.

В Тохаси крепко спавший пассажир вскочил и, протирая глаза, вышел из вагона. Вот как важно уметь проснуться вовремя, подумал Сансиро. Он понаблюдал за пассажиром из окна: не перепутал ли тот со сна станцию? Ничуть не бывало. Человек спокойно миновал контролера и бодро зашагал по направлению к городу.

Сансиро успокоился и пересел на противоположную скамью, рядом с усатым. А тот высунулся в окно, чтобы купить персики.

— Не хотите ли? — Он положил персики между собой и Сансиро.

Сансиро поблагодарил и взял персик. Усатый, видимо, очень любил персики и поглощал их один за другим.

— Берите еще, — сказал он Сансиро. Сансиро съел еще персик. Постепенно они разговорились.

Усатый заявил, что персик, не в пример другим фруктам, фрукт святой, как отшельник¹. И вкус у него какой-то странный, а главное, косточка нескладная, шероховатая — вот забавно! «Что за чушь он несет», — подумал Сансиро, никогда не слышавший ничего подобного.

¹ Сравнение основано на игре слов: персик может изображаться иероглифами, обозначающими «священный плод»; согласно древней китайской легенде, персик является атрибутом небесной феи Сиванму.

А усатый продолжал рассказывать. Он сообщил Сансиро, что Сики¹ очень любил фрукты и мог съесть их сколько угодно. Однажды он проглотил один за другим шестнадцать крупных плодов хурмы. И хоть бы что. Мне, заявил усатый, никак не угнаться за Сики... Сансиро рассмеялся. О Сики, по крайней мере, интересно было слушать. «Может быть, он еще что-нибудь расскажет о знаменитом поэте?» Однако собеседник заговорил совсем о другом.

— Рука как-то сама тянется к тому, что любишь. И ничего тут не сделаешь. У свиньи, скажем, нет рук, так она тянется рылом. Говорят, что если свинью крепко связать и поставить перед ней еду, рыло у нее будет постепенно вытягиваться до тех пор, пока не достанет до еды. Вот уж поистине, охота пуще неволи.

Он добродушно улыбнулся. Трудно было понять, говорит он серьезно или шутит.

— Так вот, повезло нам с вами, что мы не свиньи. Не то туго бы нам пришлось. Наши носы, следуя нашим желаниям, вытянулись бы до таких размеров, что в поезд нам было бы не сесть.

Сансиро прыснул. Однако усатый как ни в чем не бывало продолжал:

— Нет, в самом деле это опасно. Жил такой человек по имени Леонардо да Винчи, так он в качестве опыта в ствол персикового дерева ввел мышьяк. Хотел, видите ли, узнать действие яда на плоды. Но кто-то поел персиков с его дерева и умер. Опасная штука! Очень опасная. Лучше не рисковать.

¹М а с а о к а С и к и (1867–1902) — поэт, основатель журнала «Хототогису» («Кукушка»), органа поэтов, писавших в жанре хайку. С Нацумэ, который сотрудничал в этом журнале, его связывала тесная дружба.